

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.007

ОТ ЧАСТНОГО ПИСЬМА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ОБРАЗУ: ПО МАТЕРИАЛАМ «ПИСЕМ К ТЕТЕНЬКЕ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Т. В. Белова

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

Статья посвящена составлению цикла «Письма к тетеньке» М. Е. Салтыкова-Щедрина и частной переписки писателя начала 1880-х гг. Эпистолярное наследие писателя рассматривается как теоретическая мастерская, в которой факт действительности преобразуется и становится основой для художественного образа.

Ключевые слова: сатира, эпистолярный, художественный образ, Салтыков-Щедрин, цикл, адресат.

Процесс переработки отдельных фактов действительности в творческом воображении писателя – явление чрезвычайно сложное, поскольку представляет собой индивидуальный процесс. Л. С. Выготский в своей книге «Психология искусства» отмечал: «Искусство относится к жизни, как вино к винограду, – сказал один из мыслителей, – и он был совершенно прав, указывая этим на то, что искусство берет свой материал из жизни, но дает сверх этого материала нечто такое, что в свойствах самого материала не содержится» [1, с. 309]. Изучение творческого процесса писателя дает возможность увидеть эту связь между явлением действительности и его художественным отражением, а его частная переписка становится своеобразным творческим черновиком, в котором отдельный факт действительности отражается сначала в письме, а затем в художественном произведении. Примером может служить личная переписка М. Е. Салтыкова-Щедрина 1881–1883 гг. и цикл очерков «Письма к тетеньке» (1881–1882).

Над «Письмами к тетеньке» сатирик начал работать в июле 1881 года, когда вся общественная жизнь протекала в атмосфере шпионажа, борьбы с революционными идеями, вызванной трагическими событиями 1 марта 1881 года. Об этих чертах русской жизни 1880-х годов писал в иммиграции С. М. Степняк-Кравчинский: «Ни один донос, кто бы его ни послал, не остается без последствий. Стоит только уволенной вами кухарке или

© Белова Т. В., 2021

вороватому слуге, которого вы пригрозили отдать под суд, заявить, что вы социалист, и у вас немедленно произведут ночной обыск» [7, с. 94].

Салтыков-Щедрин в письме Н. А. Белоголовому от 29 июля / 10 августа 1881 года сообщает о том, что в Петербурге, под покровительством великого князя Владимира Александровича учреждена «Дружина спасения», цель которой выявление и истребление нигилизма: «Дружина организована в виде тайного общества, но с субсидией от государя, пятерками, так, что одна пятерка не знает другую, но все повинуются известному лозунгу» [6, с. 17].

В письме конкретный факт излагается в «чистом виде», без комментариев, адресату передается только известие, но вместе с тем он узнает много важного: факт существования организации, ее название, цели, сведения о ее структуре, тайные замыслы общества. Через месяц этот факт получает свое освещение на страницах «Писем к тетеньке». Это настолько сильно взволновало сатирика, что он изменяет тему «письма» третьего, в котором планировал писать «о вероломстве», и посвящает его теме «Священной дружины». В тексте произведения об организации сообщает возрожденный салтыковской фантазией гоголевский герой – Ноздрев. Салтыков-Щедрин сознательно использует определенный художественный прием – обновление литературного образа. Щедринский Ноздрев с важностью объявляет себя членом «новой организации»: «Комиссия наша... – учреждение не частное, но и не казенное. С одной стороны, как будто частное – но с субсидией; с другой стороны, как будто казенное – но с тем, чтоб никому об этом не говорить. Для начатия действия у нас открыто только два отделения: одно под названием «Что Нужно?», а другое под названием «Что Ненужно?». В ближайшем будущем предполагается, впрочем, открыть еще третье отделение под названием «И Да и Нет, или: Ненужное не нужнее ли Нужного?» [4, с. 476].

В частном письме писатель лишь сообщает факт действительности, в художественном же произведении он зачастую не может говорить о нем прямо и открыто, поэтому использует систему намеков и недомолвок. Эзопов язык, к которому прибегает Салтыков-Щедрин, вместе с тем достаточно прозрачно указывает и на тайный характер организации, и на санкционированность ее правительством. Факт, сообщенный в частном письме, перенесен в художественное пространство текста и творчески переосмыслен сатириком, в результате рождается яркий художественный образ политического проходимца. Хорошо знакомый читателю гоголевский персонаж Ноздрев – лгун и хвастун, освобождает сатирика от подробных мотивировок, и в то же время придает произведению большую историческую емкость. Названия отделений организации («Что Нужно?» и «Что Ненужно?») даны сатириком с расчетом на разоблачение и осмеяние. Сатира здесь и в намеке на реконструкцию III-го отделения, а

многократное повторение слова «нужно» и его форм создает впечатление бессмыслицы, дает характеристику сущности III-го отделения.

Интересны и названия, под которыми в произведении появляется «Священная дружина» – это «Общество частной инициативы спасения», «Общество Проломленных голов», «Общество благонамеренных междоусобий». В тексте «письма» третьего, запрещенного цензурой, сатирик вводит сатирические наименования «добровольцев» из различных русских областей: «кособрюхие» – рязанцы; «гущееды» – новгородцы; «проломленные головы» – орловцы и другие: «Погодите немного, и мы увидим целую толпу разного наименования добровольцев... Тут явятся и «Чистопсовые охранители», и «Усердные гущееды», и «Веселые лоботрясы», и «Кособрюхие восстановители основ» [Там же, с. 507].

К теме «Священной дружины» Салтыков-Щедрин неоднократно возвращается в своей частной переписке, так, в письме от 7/19 августа 1881 года он пишет Н. А. Белоголовому: «Вот Вы сомневаетесь, что может существовать Святая дружина. А между тем читали ли Вы в «Порядке» об учреждении в Симбирске тайного общества, выдающего 100 р. за каждого превратного толкователя? Разве это не то же самое? И поверьте, что такие общества появятся во множестве. И когда-нибудь нам с Вами завернут руки к лопаткам и выдадут за нас цену крови, т.е. 100 р.» [6, с. 23]. Сообщенный факт художественно разворачивается сатириком в уже упомянутом третьем «письме»; опираясь на художественный опыт Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, стремясь достичь яркого сатирического эффекта Салтыков-Щедрин вводит художественный текст уже известных широкому читателю героев произведений А.В. Сухова-Кобылина и А. Марлинского: «В Симбирске уже образовалось «тайное» общество, именно в расплюевском роде! Состоит оно, очевидно, из местных Амалат-беков и обещает за всякого превратного толкователя, которому руки с лопатками вывернут, – чистыми деньгами сто рублей! Разумеется, однако ж, если будут деньги, потому что ежели денег не будет, то где же их взять?.. Но зато каков подъем общественного духа!» [4, с. 486]. Фигурой Расплюева-шулера и морально растленного героя из драматической трилогии Сухова-Кобылина – Салтыков пользуется для персонификации тех представителей подпольного аппарата «Священной дружины», на которых держалась вся фактическая работа по непосредственной организации всякого рода шпионских и провокаторских авантюр. А под романтической фигурой кавказского героя – Амалат-бека из одноименной повести Марлинского читатель мог узнать сатирически изображенного министра двора и начальника царской охраны гр. И.И. Воронцова-Дашкова, сделавшего свою карьеру на кавказских войнах и возглавившего «Священную дружину». У Салтыкова-Щедрина он в целях Общества служит в трактире, наблюдает и докладывает. «Амалат-беки из всех наук знают лишь одну – о

подмывании хвостов у лошадей – и вдруг вообразили, что их дело – внутренняя политика. Начали даже газеты читать и пришли в ужас» [Там же, с. 485]. Простое описание факта в частном письме трансформируется в художественное обобщение, а ирония, звучащая в письме, перерастает в саркастическое обобщение («Но зато каков подъем общественного духа!»).

Без сомнений, действительность неизбежно подвергается определенному осмыслению, истолкованию в художественном тексте. При этом факт не утрачивает своей реальной подоплеку, он может даже остаться за пределами произведения, но именно он будет выполнять роль импульса к работе мысли художника. Очень часто у Салтыкова-Щедрина факт действительности, зафиксированный в его собственной переписке, художественно переработан и «завуалирован» в тексте произведения. Например, 1880 год с его «новыми веяниями» поставил перед правительством вопрос о «пересмотре и изменении законов о печати», в том числе и замене административных репрессий взысканиями по решению судебных органов. Последний пункт особенно выдвигался самими представителями русской печати, в том числе демократической. Например, Г.З. Елисеев в статье «Несколько слов по поводу вопроса злобы дня» писал: «Мы, представители печати, прежде всего, конечно, желали бы совершенного освобождения печати от ведения администрации и представления преступлений печати преследованию и рассмотрению исключительно суда, на основании твердого закона» [3, с. 142]. Салтыков-Щедрин же отнесся ко всем этим разговорам о реформе законов о печати крайне скептически, по этому поводу он пишет П.В. Анненкову: «Знаю, что есть проект о написании нового устава книгопечатания, с устранением административного произвола и заменой его отдачей под суд. Все газеты и журналы по этому поводу ликуют, а в том числе и «Отечественные записки»; но я лично так думаю: до сих пор я еще не сживал в кутузке, а в будущем – не знаю. Сдается, что не миновать» [5, с. 180]. Эти раздумья писателя почти через полгода появляются в первом «письме к тетеньке», но теперь факт не столько «замаскирован», сколько художественно переосмыслен, а само высказывание наполнено сарказмом: «Сколько мы, литераторы, волновались: нужно-де ясные насчет книгопечатания законы издать! Только я один говорил: и без них хорошо! А вот теперь посидим да помолчим, смотришь, и законы будут. Да такие ясные, что небо с овчинку покажется. Ах, господа, господа! представляю себе, как вам будет лестно, когда вас, «по правилу» начнут в три кнута жарить!» [4, с. 251].

Сам Салтыков-Щедрин вплотную столкнулся с печатной казенщиной и пытался бороться против нее. В 1881 году, вернувшись из Парижа, он пытается добиться напечатания третьего «письма», но эти попытки ни к чему не привели. О своих цензурных мытарствах писатель откровенно говорит Г.З. Елисееву в октябрьском письме 1881 года: «Граф Игнатьев

принял меня крайне любезно и объяснил, почему он признал невозможным пропустить 3-е письмо к тетеньке, так как оно возбудило бы столько неудовольствий, против которых и он ничего не мог бы сделать» [6, с. 52]. История с цензурными препятствиями находит отражение уже в следующем варианте третьего «письма», где легко можно найти многочисленные намеки на цензурную катастрофу, постигшую «сентябрьское» письмо. Едкая ирония звучит в рассказе о встрече героя-адресанта с почтовым чиновником (намек на встречу с Игнатьевым): «Вы упрекаете меня в молчании, а между тем, более аккуратного корреспондента, нежели я, едва ли даже представить себе можно. Свидетели могут подтвердить, что я ежемесячно к Вам пишу, но отчего не все мои письма доходят по адресу – не знаю» [4, с. 276]. Намеки писателя на пропадающие письма полны иронического иносказания.

Таким образом, действительное событие, проходя через творческое сознание писателя претворяется в художественный образ. Более того, действительность становится основным импульсом, заставляющим писателя-сатирика братья за перо. Г. З. Елисеев, хорошо знавший Салтыкова-Щедрина по совместной деятельности в журнале «Отечественные записки», вспоминал как отдельный факт, событие, заинтересовавшие писателя, становились причиной для немедленного создания литературного произведения: «Надобно видеть, в какое он приходил возбуждение, и некоторым образом неистовство, когда его вдруг нечаянно поражал какой-нибудь непредвиденный им факт» [2, с. 10]

Сопоставление цикла «Письма к тетеньке» с частной перепиской Салтыкова-Щедрина наглядно выявляют процесс художественного осмысления писателем явления действительности, отраженной в личных письмах писателя, и преломленной в «Письмах к тетеньке». Встречающиеся в корреспонденции иронические замечания перерастают в тексте «Писем» в сарказм; горькие раздумья над важнейшими вопросами времени в произведении даны в саркастически обобщенной форме; невозможность говорить прямо об общественно-политических событиях, выразить открыто свой взгляд на них вынуждает писателя прибегнуть к иносказанию, а использование «чужого» литературного персонажа становится наиболее важным приемом превращения факта действительности в художественный образ.

Список литературы

1. Выгодский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. 576 с.
2. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 2. 408 с.
3. Отечественные записки. 1880. № 9.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14. М.: Худож. лит., 1972. 704 с.

5. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т.19-1. М.: Худож. лит., 1976. 240 с.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 19-2. М.: Худож. лит., 1977. 352 с.
7. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М.: Мысль, 1964. 407 с.

**FROM A PRIVATE LETTER TO AN ARTISTIC IMAGE:
BASED ON THE MATERIALS OF “LETTERS TO AUNTIE”
BY M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN**

T. V. Belova

Tver State University
Department of History and Theory of Literature

The article is about M. E. Saltykov-Shchedrin's creating of a series of works "Letters to Auntie" and his private correspondence in the beginning of the 1880s. The epistolary heritage of the writer is considered as a theoretical workshop in which the fact of reality is being transformed and becomes the foundation for an artistic image.

Keywords: *satire, epistolary, artistic image, Saltykov-Shchedrin, series, recipient.*

Об авторе:

БЕЛОВА Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Belova.TV@tversu.ru.

About the author:

BELOVA Tatyana Victorovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str. 33), e-mail: Belova.TV@tversu.ru.